

ПАНОРАМА

Соб. мемуары, 1986, 1 фев

Е. Лебедев, народный артист СССР

О ВСТРЕЧАХ, КОТОРЫЕ НАВСЕГДА ОСТАЛИСЬ В МОЕЙ ПАМЯТИ

Оказывается, нужно прожить жизнь, чтобы оценить то, что
в юношеские годы мы не ценили и над чем посмеивались...

● В. Н. Рыжова.

● Е. Д. Турчанинова.

Много лет прошло, столько, сколько я живу в Ленинграде. Тридцать шесть! И все эти годы всплывала и всплывает в памяти встреча, на которую толкнул меня режиссер Тихон Кондрашов. Он ставил у нас в Тбилиси дипломный спектакль, и хотя я в нем занят не был, но все равно часто приходил на репетиции, следил за методом работы режиссера с актерами, который он привез из Москвы от М. О. Кнебель, у которой учился.

Тихон был уже не молод, война прервала его занятия в ГИТИСе, и только после войны он закончил институт. Мы с ним познакомились в сорок девятом году, а когда я приехал в Москву, снова встретились. Я ему рассказал о переписке с актером Художественного театра В. В. Готовцевым (он был моим педагогом), о том, что решил попытаться счастья и показаться во МХАТе. Назначен был просмотр, но я провалился; провалился, как мне кажется, потому, что слишком благоговел. Ни о каком творческом самочувствии речи быть не могло; кроме страха, я не испытывал ничего, и только интеллигентность художественного совета театра вселяла в меня надежду: мне отказали очень вежливо.

После провала в знак утешения Кондрашов предложил пойти в Малый театр на «Правду—хорошо, а счастье лучше». В спектакле были заняты Яковлев, Турчанинова, Рыжова, Рыжов и молодые актеры, исполняющие роли Платона и Поликсены. Платон и Поликсена отличались от «стариков» манерой разговора: они произносили текст Островского, но речь их была слишком современна. Они были артистами из другого театра; их действия были верны для глаз, а слов ухо не воспринимало. Нарушался стиль автора, которым в совершенстве владели старики.

Вот где ты должен работать, это твой театр, говорил Кондрашов после спектакля, убеждая меня вновь рискнуть. Долго уговаривать меня не пришлось: я давно мечтал встретиться с Н. К. Яковлевым, мы нашли его телефон, позвонили. Яковлев был нездоров и принял меня не мог. Тогда я позвонил В. Н. Рыжовой, она выслушала меня и назначила свидание у себя в Старо-Пименовском переулке.

В глубине двора стоял деревянный двухэтажный дом, таких домов в Москве было тогда много, особенно в Замоскворечье. Поднимаясь по деревянной лестнице наверх, я почувствовал нежный запах калачей, пирогов и еще чего-то вкусного, неуловимого, как будто бы сам воздух был пропитан гостеприимством. Бывает же так, ты куда-тоходишь, и сразу тебя охватывает особое чувство, словно ты вошел в родной дом. Так было и здесь. Я вошел в тепло, но не такое, какое было на улице. Кстати, на улице было просто жарко, стояла вторая половина мая, а в доме Варвары Николаевны оказалось прохладно, даже лестничные перила отдавали при прикосновении прохладой. Лестница деревянная, прямая, с круглыми точенными балясинами вела на второй этаж, все было как в театре, как в декорациях из пьес Островского. Наверху, куда заворачивала лестница, площадка была огорожена такими же балясинами, и за перилами виднелись три двери, опять же как и у Островского в ремарках к его пьесам.

Там стояла Варвара Николаевна и ждала, когда я поднимусь. Со страхом и трепетом я произнес, не сказал, а произнес: «Здравствуйте, Варвара Николаевна!»—но вдруг раскрылась другая дверь, и послышалось: «Это я Варвара Николаевна, а это моя сестра Елена Николаевна Музиль!»

Я узнал Рыжову, ту самую Рыжову, которую знал почти во всех ее ролях и которой восхищался. Ее говорку подражали многие актрисы, когда играли классических старух. Елена Николаевна очень похожа на Варвару Николаевну, или наоборот, Варвара Николаевна очень похожа на Елену Николаевну, я не знал, кто из них старше, но когда они оказались рядом, перепутать их было нельзя. Меня повели в комнату, которая напоминала Бахрушинский музей. Там было все театральное: фотографии великих артистов с пожелтевшими надписями, ленты, лавровые венки, портреты Варвары Николаевны в ролях и портрет А. Н. Островского. Мы сели за круглый стол, накрытый скатертью, Елена Николаевна села на диванчик. Начался допрос, кто я и откуда, из каких мест. Я стал рассказывать свою биографию и объяснять, зачем я пришел. «Мне хотелось, чтобы вы меня прослушали и сказали, правильно ли я понимаю и читаю Островского». Я надеялся, что Варвара Николаевна назначит мне день, чтобы я мог подготовиться и показать ей Митю из «Бедности не порок» и Подхалюзина из «Свои люди—сочтемся».

— А давай сейчас! Чего там откладывать!

Такого поворота я не ждал, даже и не представлял себе, что такое может случиться. От растерянности я не знал, что делать: отказаться или решиться, и, наконец, для того, чтобы отнять время, спросил: «А где будем играть?».

— А вот здесь, за столом и почитаем,— предложила Варвара Николаевна.

От волнения мне очень хотелось закурить, но

за все время моего рассказа я не осмелился это сделать и теперь, переборов себя, как сидел на стуле за круглым столом около стенки с портретами и фотографиями, так и начал играть Митю...

«Эка тоска, господи! На улице праздник, у всякого в доме праздник, а ты сиди в четырех стенах!..». Не знаю, какими словами выразить мое удивление, но, когда я закончил свой первый монолог, Варвара Николаевна вдруг стала Пелагеей Егоровной, и мы продолжили сцену, а за ней и другие, потому что Варвара Николаевна знала все роли наизусть—и мужские, и женские. И только тогда, когда на сцене должны были все, я не выдержал и сказал: «Дальше играть невозможно, здесь появляются все».

Мы как сидели за столом, так за столом и играли, а когда кончили, Варвара Николаевна обняла меня и поцеловала, да не один раз, а несколько. Елена Николаевна сидела с мокрыми глазами и тоже встала, подошла ко мне, поцеловала и обняла. Я услышал от Варвары Николаевны слова, которые я никогда не забуду. Она сказала: — Я хочу с вами играть в этой пьесе, и сколько понадобится репетиций, я на всех буду репетировать сама. Вы должны быть в нашем театре.

Не сон ли это, но притворяются ли любезные хозяйки, чтобы только обнадежить меня, сказать мне лестные слова и расцеловать, как это умеют делать артисты со своим братом после премьеры? Хвалят, а сами думают: «Слава богу, наконец-то, избавились». Бог меня накажет, что я так несправедливо подумал! Две знаменитые актрисы действительно были взволнованы; их волнение заражало меня, я не выдержал и попросил разрешения выйти на баллон и выкурить папиросу. Меня никуда не пустили, сказали, чтобы курил здесь.

Варвара Николаевна рассказывала о встречах с Александром Николаевичем, о его репетициях с ней, о том, каким Островский был хорошим режиссером и педагогом и какое большое значение он придавал речи. Тогда же я узнал, что Елена Николаевна ведет курс актерского мастерства во ВГИКе и что мнение ее высоко ценила Варвара Николаевна.

Вдруг Варвара Николаевна заявила, что я должен обязательно показаться Евдокии Дмитриевне Турчаниновой, встала и пошла звонить. Мне было слышно, как она хвалила меня и просила назначить мне свидание. Вернувшись, она сказала, что меня ждет Евдокия Дмитриевна, и подробно рассказала, в какой дом на Пушкинской площади мне следует сейчас же пойти. Кроме адреса, Варвара Николаевна написала письмо, которое я потом выпросил у Е. Д. Турчаниновой. Вот оно:

«Глубокоуважаемая Евдокия Дмитриевна!

Обращаюсь к Вам с великой просьбой прослушать этого молодого человека, Евгения Алексеича Лебедева, который приехал в Москву по творческой командировке; в награду была дана премия, за показ в роли Подхалюзина, при всеобщем смотре русской классики. Он мне читал Митю, я ему читала Пелагею Егоровну, и он меня покорила своей передачей роли, своим глубоким чувством—ни одного пустого слова. Очень бы мне хотелось, чтобы и он на Вас произвел такое же впечатление, чтобы Вы могли ему помочь, но я не в фаворе у Л. Е. Шаповалова и могу ему только навредить своим вмешательством. Зная Вас, как Вы чутко относитесь к молодежи, потому и посылаю его к Вам, если он Вам понравится так же, как и мне, то Вы похлопочите за него у Л. Е. Шаповалова, ему могли бы дать дебют в «Бедности не порок». В Тбилиси он был представлен к званию заслуженного артиста, но еще пока не получил. Боюсь Вас больше беспокоить, конечно свое письмо. Я верю и надеюсь, что Вы окажете ему свое содействие, примите его, прослушайте и решите.

С искренним приветом и уважением В. Рыжова, 21-го мая 1949 г.».

Окрыленный надеждой и уверенностью, я дошел до Пушкинской площади. Вот он—большой многоэтажный дом, здесь живет Евдокия Дмитриевна Турчанинова. Я поднялся наверх, нажал кнопку электрического звонка, дверь открыл коренастый мужчина в тяжелом халате, лицо которого мне показалось знакомым. Это был народный артист РСФСР Михаил Францевич Ленин. Я назвал себя и назвал ту, к которой пришел с письмом от Рыжовой. Я решил, что Михаил Францевич муж Евдокии Дмитриевны, но ошибся. Оказалось, что его квартира и квартира Турчаниновой просто имеют один вход. Его дверь была направо, а мне предложили пройти прямо, и я услышал, как грудной голос произнес: «Евдокия Дмитриевна, к вам гости»—и такой же поставленный грудной голос ответил: «Войдите!»

Я вошел и увидел сидящую в кресле строгую, в коричневом с черной отделкой длинном платье Евдокию Дмитриевну. Строгость хозяйки и строгая атмосфера комнаты заставляли ждать строго приема, но я ошибся. Прочитав письмо, Евдокия Дмитриевна предложила сыграть «Свои люди—сочтемся», второй акт, и мы его сыграли, а

когда закончили, ей захотелось увидеть меня в роли Мити. Мы, сколько смогли, прочитали «Бедность не порок». Она сделала мне одно замечание, сказала, что «у нас Митя в этом месте на колени не встает», и по такому ее замечанию я понял, что она не будет возражать против моего дебюта, о котором просила ее Варвара Николаевна. Евдокия Дмитриевна позвонила директору Малого театра и договорилась о моей встрече с ним...

Все-таки существует «закон второго спектакля»: я почувствовал и испытал его на себе. Моего вдохновения не хватало, чтобы с глубоким чувством и волнением показаться Турчаниновой. Мне надо было успокоиться, прийти в себя и только на другой день с новыми силами пускаться в бой. Не знаю, что думала Евдокия Дмитриевна, но я ощущал, чувствовал, что повторяю только то, что делал у Варвары Николаевны. Ничего нового в моем исполнении не было. Правда, потом, когда я снова пришел, как мы договорились, к Варваре Николаевне, она мне сказала, что звонила Турчанинова и что я ей понравился.

Как тогда быстро все устраивалось. На следующий день я сидел в кабинете директора Малого театра. Пока все шло как во сне, вот так бы и жил, не просыпаясь. С какими людьми встречаюсь? Меня слушают, я им рассказываю, меня смотрят, со мною разговаривают, мне предлагают, мне советуют, угощают, словно я им ровня! Директор смотрит мой альбом с фотографиями ролей, которые я сыграл в Тбилиси. Фотографии ужасные, я это сейчас вижу, а тогда я был молодым и мне казалось, что они многое обо мне расскажут. Теперь я думаю, что Л. Е. Шаповалов рассматривал альбом из приличия, чтобы не обидеть меня, а сам прикидывал, как ему поступить, как сделать так, чтобы волки были сыты и овцы целы!

Театр! Сложная материя, запутанный мир! По всем правилам театрального дела, я должен был вначале представиться художественному руководителю Константину Александровичу Зубову, я его ценил и любил как артиста и как руководителя, но я боялся сойти с дороги, по которой направили меня Евдокия Дмитриевна и Варвара Николаевна, мои покровительницы.

«Все, что ни делается, все к лучшему»—гласит русская пословица, а мой жизненный опыт теперь убеждает, что пословицы, поговорки—сама правда, подтвержденная опытом жизни человеческой. Раньше я им не больно верил, а теперь верю. Оказывается, нужно прожить жизнь, чтобы оценить то, что в юношеские годы мы не ценили и над чем посмеивались...

Шаповалову я показал творческую командировку, полученную в Тбилиси, рассказал, как попал к Рыжовой и Турчаниновой, какие роли играл. Все шло хорошо, передо мной уже маячила реальная перспектива—артист Малого театра! Я улыбался, мне улыбались, но до той поры, пока не направили к режиссеру Страдомской, которая должна была ввести меня в спектакль «Бедность не порок». Страдомская знала, что Рыжова будет приходить и репетировать вместе со мною Пелагею Егоровну, что, по мнению Страдомской, да и не только ее, было почти невероятно. Страдомская разговаривала со мною ужасно: как с человеком, который не понимает, куда попал. Она не захотела даже послушать меня и назначила мне зарплату артиста вспомогательного состава, зачеркнув девять лет моей работы в театре. Я не настаивал и даже не думал и не предполагал, что мне сохранят мою высшую категорию, но пережить меня во вспомогательный состав... Я был поражен ее тоном, высокомерием, с которым она говорила. Она хотела дать мне почувствовать, что она не кто-нибудь, а режиссер Малого театра, но я понимал и знал, куда пришел.

Вы меня спросите, чем всё кончилось? А все той же пословицей: «Что ни делается, все к лучшему!» Мне все-таки был обещан дебют в роли Мити, но в это время из Тбилиси приехал Г. А. Товстоногов, я знал его и «променял» Москву на Ленинград.

В Ленинграде я получил письмо от сына Варвары Николаевны—Николая Рыжова. Вот оно:

«Дорогой Евгений Алексеевич!

Поздравляю Вас с новым годом, желаю Вам здоровья и еще новых блестящих достижений—я посылаю Вам эту афишу нашего праздника 130-летия, в котором видное место занимает Варвара Николаевна, которая к Вам относилась с большой любовью, и ее прогнозы в отношении Вас, тогда еще молодого актера. Вы эти прогнозы оправдали сверх того, что она ожидала от Вас! Дай вам Бог и еще! Я сейчас пишу книгу о В. Н., и мне очень хотелось, чтобы в ней—одно из первых мест заняла Ваша статья о ней с Вашим портретом! Так что кланяться по-Московски низко!

Крепко жму Вашу руку. Ваш Ник. Рыжов».

С большим опозданием отвечаю я на эту просьбу, но никогда не забывал Варвару и Елену Николаевну, Евдокию Дмитриевну, прекрасных актрис и прекрасных людей, заставляющих верить в доброту и благородство.